

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Конференции, семинары, круглые столы

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ: ВЫЗОВЫ XXI ВЕКА

Всероссийская конференция

Москва, Институт философии РАН, 15 — 16 ноября 2012 г.

Д.А. КИБАЛЬЧИЧ

Последние десятилетия отечественных историков ознаменовались примечательными изменениями в плане понимания исторической науки и ее задач. Вместе с тем не вызывает сомнения факт, что и историки философии не могли оставить в стороне осмысление методов и проблемных вопросов, связанных со своей деятельностью — в конечном счете, вопрос как «писать» историю так и не снимался с повестки дня, начиная с появления этой дисциплины. Однако историки философии не так часто проводят мероприятия, посвященные не конкретным предметным исследованиям, а осмыслению истории философии, ее методов и места в современном мире. Вероятно, именно поэтому конференция вызвала пристальный интерес не только историков философии, но и известных отечественных философов, которые поделились своими соображениями относительно значения истории философии и ее использования в своей собственной работе.

Конференция готовилась не как рядовое мероприятие, и при ее подготовке высказывались разные взгляды на то, какую форму она должна принять, тщательно отбирались доклады и возникали некоторые опасения относительно успеха этого начинания. В итоге тревожные ожидания перед конференцией оказались напрасными, и ошутимое большинство присутствующих посчитало ее успешной.

Учитывая, что материалы конференции будут полностью изданы с расширениями и дополнениями, предлагаемый обзор имеет смысл посвятить не протокольному изложению прочитанных докладов и развернувшихся дискуссий, а ключевым темам, прошедшим через конференцию, и рассмотрению ее формата, который, как уже было отмечено, оказался нетипичным для подобных мероприятий.

Применительно к итогам конференции трудно говорить о каких-либо однозначных выводах. Тем не менее, можно сказать о круге принципиально важных для отечественных историков философии вопросов, которые были конкретизированы и на которые присутствующие постарались ответить. В заключительном слове председатель оргкомитета и идейный вдохновитель конференции заведующая отделом истории философии ИФ РАН **Н.В. Мотрошилова** с удовлетворением отметила: «Видно, что мы — сообщество, что мы хотим обсуждать свои проблемы вместе... у

нас разные подходы и это хорошо — по крайней мере, мы не тоскуем по тем временам, когда у нас был один подход». Эти слова прекрасно характеризуют активную и напряженную дискуссию, которая велась на протяжении двух дней в Институте философии РАН.

Круг обсуждаемых вопросов можно рассматривать под разными углами, однако в наиболее общем виде первая сквозная тема, которую затронули практически все участники, касалась статуса истории философии как науки и той роли, которую она играет, или может играть, для самой философии. Вторая тема связана с внутренними отношениями историко-философских подразделений по всей стране и за рубежом и выработкой общего языка (например, применительно к терминологии), который был бы ясен специалистам в разных областях истории философии и помог бы осуществить их более плотное сотрудничество. Третья тема, хоть и не значилась в заголовках докладов конференции, звучала постоянно как в самих докладах, так и в дискуссиях. В общих чертах ее можно сформулировать как проблему востребованности истории философии в современной России и ее места в системе образования.

Начинания и ожидания, связанные с проведением конференции основывались на том, что стандартная форма подобных мероприятий и последующая публикация материалов может быть усовершенствована. Типичная конференция предполагает прочтение докладов на тематических круглых столах с последующей дискуссией среди узких специалистов по частным вопросам. Однако, несмотря на действенность такой формы в случае изучения частных вопросов и для ознакомления с последними исследованиями своих коллег, эта форма позволяет получить исключительно фрагментарное представление о конференции и освещенных на ней вопросах. Прошедшее мероприятие ставило перед собой иные, и значительно более масштабные задачи. Одной из ее важнейших целей было собрать исследователей из различных предметных областей и разных частей страны для обсуждения и выработки общего понимания тех проблем и тенденций, с которыми сталкивается современная история философии — вызовов XXI в.

Регламент позволил принять лишь часть предоставленных на доклады заявок, однако значительное количество людей приехало из разных городов для участия в дискуссии, которая в связи с этим оказалась проблемной и острой. Выбор, связанный с отказом от параллельного проведения круглых столов, был действительно тяжелым — заседания проводились последовательно в одном помещении и практически все присутствующие продемонстрировали глубокий интерес к вынесенным на обсуждение темам. Применительно к поставленным целям это начинание можно признать удачным — без этого решения активные обсуждения среди специалистов из различных областей истории философии оказались бы невозможными. Более того, выяснилось принципиальное согласие между участниками по поводу основного круга проблем, связанных с сегодняшними реалиями историко-философской специальности. В своем заключительном слове заведующая сектором восточных философий ИФ РАН **В.Г. Лысенко** отметила, что отсутствие разделения на параллельно идущие секции стало «редким шансом встретиться с коллегами по цеху и пого-

ворить о наших общих проблемах». У нее также сложилось оправданное впечатление, что проблемы историков философии из разных областей (будь то традиции восточные или западные) являются типологическими и общими. Судя по развернувшимся дискуссиям, эту точку зрения нельзя считать безосновательной.

Похожие мысли по поводу идеологии конференции в заключительной дискуссии также удачно выразил главный научный сотрудник сектора истории западной философии ИФ РАН **Э.Ю. Соловьев**. По его словам, попытка придать конференции именно такую форму позволила «избежать двух опасных крайностей», первая из которых делает конференцию «компендиумом сочинений», практически лишенным последующей дискуссии, а вторая состоит в «запланированном безрезультатном ученом споре», когда дискуссия является самоцелью и отсутствует даже попытка выработать общее видение или решение по обсуждаемому вопросу.

По результатам конференции можно отметить, что даже несмотря на критику регламента некоторыми участвующими и незапланированные изменения в ходе ее проведения, идея была широко поддержана и реализовалась в некоторых аспектах неожиданно удачно даже для самих организаторов. Несомненная заслуга конференции, с одной стороны, заключалась в возможности конкретизировать смещение основного круга проблем за последние десятилетия, а с другой, на фоне понимания этих общих проблем, сплотить практикующих специалистов со всей страны (будь то историки отечественной мысли, исследователи античной философии, восточных традиций или современной западной философии).

Первый из основных вопросов был поднят в начале конференции, и его обсуждения не утихали до самого конца. Вопрос заключался в отношении различных предметных философских дисциплин к историко-философской науке. Во вступительном слове **Н.В. Мотрошилова** подчеркнула необходимость изучения философами истории своей дисциплины и опасности ее незнания и что на сегодняшний день в академической среде имеются силы, которые, по тем или иным причинам, пропагандируют среди студентов незнание истории философии, так как она якобы мешает оригинальности собственного мышления.

В развитие этой темы академик РАН **В.С. Степин** подчеркнул, что история философии призвана определять и сохранять самые ценные идеи, которые генерируются в рамках философии, обогащая их новыми смыслами. Можно обозначить два принципиальных подхода к реконструкции. Первый связан с сугубо исторической работой; второй подразумевает философскую рефлексию, позволяет автору целенаправленно читать философов прошлого как своих современников, создавая свою интерпретацию текстов отдельных философов в частности и истории философии в целом. Таким образом, история философии служит важным и ценным материалом и гармонично включается в философию. Она полезна для философа, и понимание философских систем прошлых веков в качестве устаревших и представляющих интерес исключительно для историка принципиально неверно.

На доклад академика В.С. Степина живо откликнулся профессор НИУ ВШЭ **А.Л. Доброхотов**, в противовес сказанному указавший на принципи-

альный конфликт между действующим философом и историком философии. Работа историка, по его мнению, заключается в демонстрации законов детерминации, в то время как философ не обременен никаким методом и говорит от своего лица. Та история философии, которую пишет философ и которую Степин обозначил как возможную форму реконструкции, есть лишь попытка выразить свои идеи и блокировать чужие. История философии «пытается гипнотизировать» и мешает мыслить самостоятельно. Если историку философии не мешает философ, то философу историк философии мешает очень сильно, пытаясь заставить его играть на своем поле, ограничивая свободу мышления.

Такие опасения относительно истории философии разделил и заведующий сектором этики ИФ РАН *Р.Г. Апресян*. Он подчеркнул, что обращаться к истории философской мысли необходимо аккуратно, так как существует большой соблазн замены аналитической работы, выдвижения аргументов и их критики, на отсылки к авторитетам. По его мнению, обсуждение целого ряда тем и аргументов зачастую сводится к указанию на несколько великих имен мыслителей прошлого. Подобная ситуация не является благоприятной и принципиально важно искать пути выхода из нее. По сути, это наследие советского режима (когда свои мысли привязывались к мыслям классиков), которое мы не смогли изжить до сих пор.

Применительно к этому интересна позиция *В.В. Васильева*, заведующего кафедрой истории зарубежной философии философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Он отметил, что в Советском Союзе история философии считалась наиболее престижной специальностью в рамках философского образования и остается такой до сих пор, в то время как в США она считается вторичной и не столь значимой. Он подчеркнул, что времена Советского Союза смешали области работы философа и историка философии. Однако вместе с тем он заметил, что и без этого отечественное философское образование базируется на систематическом изучении истории философии, что открывает широкие возможности по обобщению исследуемого материала, недоступного многим зарубежным философам, которые получают узкоспециализированное образование и зачастую не имеют какой-либо ощутимой историко-философской подготовки. Вместе с тем, отметил он, при том количестве отечественной историко-философской литературы, которая издается на сегодняшний день, практикующим философам не стоит бояться экспансии на свою территорию, так как эти работы выходят маленькими тиражами и в основном остаются незамеченными никем, кроме узких специалистов по данной теме (если такие вообще имеются).

Тема советской и современной российской истории философии звучала и в речи директора Института философии РАН, академика *А.А. Гусейнова*. К историко-философской работе он отнес переводы и комментирование текстов прошлого, обозрение и популярное изложение (что является самым распространенным жанром) и, наконец, вернулся к истории философии, написанной философом. Здесь, по его мнению, неустрашимый существенный вопрос: является «авторская история философии» (т.е. переосмысление и свой взгляд на мыслителей прошлого)

жанром истории философии или же представляет собой одну из форм собственного теоретизирования. Ответ же находится где-то посередине, и понимание тех форм, в которых предстает современная история философии, требует тщательного осмысления.

Р.Г. Апресян обозначил еще одну немаловажную тему. Он указал на то, что хотя традиционно в отечественных предметных исследованиях по философии авторы дают историю вопроса, эта история отличается по форме от таковой у историков философии. В этом аспекте несомненной проблемой является недостаточная комплементарность между философскими подразделениями. Например, написанные философом работы по истории этики или эстетики не воспринимаются как работы, представляющие интерес для историка философии; в равной степени и предметные специалисты предпочитают изучение работ своих коллег сугубо историческим трудам. Историко-философский подход отличается от историко-дисциплинарного в аспекте подхода к самой философии. Работы по истории философии имеют определенный канон и более похожи друг на друга, чем те истории конкретного вопроса, которые написаны в форме философского исследования. Тем не менее, автор доклада также не обошел вопрос о соотношении философии и ее истории, отметив важность историко-философских исследований для освещения предметного анализа. «Когда говорят, — подчеркнул он, — что история философии не отличается от истории других дисциплин, то это неверно — история философии для философии имеет особый статус. История философии — это исключительный ресурс для извлечения и корректировки идей, которые исследует философ».

Вопрос о статусе истории философии и формах ее взаимодействия с современной философией широко обсуждался и другими выступавшими, однако участники более или менее сходно понимали эту проблематику, находя в истории философии источник вдохновения и идей. Судя по активному обсуждению, не менее важен был и статус истории как научной дисциплины. По мнению **А.В. Черняева** (научный сотрудник сектора истории русской философии ИФ РАН), история философии по своему методу (источниковедение, реконструкция, дескрипция) схожа с методами классической истории. Однако вслед за «новой исторической наукой», направленной на описание самого бытия человека в прошлом, она также постепенно смещает свои акценты и где-то опережает ее, а где-то история ментальности «наступает ей на пятки». В этом аспекте представляется важным сотрудничество историков из разных областей и поиск новых путей изложения исторического материала. С необходимостью подобного рода исследований согласился и **П.В. Резвых** (доцент кафедры истории философии факультета философии НИУ ВШЭ). В своих тезисах он отметил: «Преодоление сложившихся стереотипов возможно лишь на путях междисциплинарного сотрудничества историков философии с историками-архивистами, филологами, историками науки, социологами и т.д., осуществляемого в форме решения вполне конкретных исследовательских задач усилиями научных групп, объединяющих разнопрофильных специалистов».

В конце второго дня конференции **С.А. Чернов** (зав. кафедрой философии Санкт-Петербургского государственного университета телекомму-

никаций) продолжил углубление темы понимания истории философии как науки, постаравшись показать различие истории философии и самой философии как чего-то большего, чем наука и не ограничивающегося ее методами. По его мнению, философия свободна от научности и может подвергнуться сомнению даже сами научные методы и их ценность. Историк же философии должен руководствоваться научными методами, стараясь быть максимально объективным. Солидаризируясь с А.Л. Доброхотовым и рядом других выступавших, он подчеркнул, что для философа в первую очередь важна оригинальность взгляда. По этой причине философ имеет полное право вольно обращаться с текстами своих предшественников, в то время как перед историком стоят совершенно иные цели и задачи, среди которых на одном из первых мест стоит точность изложения материала. В дискуссии можно было наблюдать, с одной стороны, обсуждение философии как свободной от каких-либо ограничений, а с другой, — полемику относительно таких ограничений для истории философии.

В противовес позиции, изложенной выше, *М.Н. Громов* (зав. сектором истории русской философии ИФ РАН) заметил, что восприятие истории как точной науки (и истории философии как ее направления) сохранилось со времен СССР и, вместе с тем, является иллюзорным и ошибочным. История всегда предполагает персональный взгляд историка на способ реконструкции. Однако это не проблема, а особенность исторической науки и истории философии как ее ответвления.

В конечном итоге, мы не можем сказать о единодушии участников конференции применительно к данному вопросу. Некоторые специалисты ставили под сомнение необходимость истории философии для практикующего философа; были и такие, кто говорил о фундаментальной важности истории философии (хотя последних было несколько больше — видимо, в силу того, что противники истории философии не ходят на историко-философские конференции). *И.И. Блауберг* (ведущий научный сотрудник сектора современной западной философии ИФ РАН) подчеркнула принципиальное противоречие между историей философии, написанной философом и историей философии, написанной историком философии. *В.Г. Лысенко*, вслед за М.Н. Громовым, в противовес этому подчеркнула в своем выступлении, что история философии не может быть объективной и различие между философом и историком заключается только в разной степени интерпретативности. *Р.А. Громов* (зав. кафедрой истории философии Южного федерального университета), не соглашаясь с этим, заявил, что история философии должна покончить с авторскими интерпретациями и самовыражением исследователя — только это условие поможет ей выжить в современном мире. Вместе с тем сама философия должна для своего выживания выбрать путь либо «историзации», либо «логизации», как это произошло в американских и многих европейских университетах.

Высшего накала по этому вопросу дискуссия достигла с выступлением *Э.Ю. Соловьева*, заявившего, что если статус философии как науки неоднозначен (и здесь вызывает удивление нахождение Института философии в структуре Академии наук), то статус истории как науки несомне-

нен. Таким образом, разумнее было бы иметь не Институт философии с отделом истории философии, а Институт истории философии с отделом философии. Философия, подчеркнул *Э.Ю. Соловьев*, должна представлять собой живую мысль. Жесткие институциональные рамки только мешают ей развиваться и функционировать — философия должна воплощаться в работе подвижных групп и идейных течений, возникающих спонтанно, по озарению. Тем не менее, подготовка философов по-прежнему должна быть основана на истории философии, при помощи которой философы могут разглядеть проблемное поле, на котором смогут основывать и развивать свои идеи.

На опасность разного рода авторского видения указала *Н.В. Мотрошилова* — особенная опасность для историка философии заключается в отсутствии ясного понимания своих целей. Историк является исследователем, который обязан быть точным и аккуратным применительно к исследуемому предмету. Одной из важнейших проблем является анализ текста и точного использования и перевода терминов. Однако имеется одна существенная проблема, которая выражается в печальных словах «поезд уже давно ушел». Термины мыслителей прошлого (будь то «метафизика», «онтология» или даже сама «философия») обрели новую жизнь в современном лексиконе философа. Историкам же на сегодняшний день просто необходимо стараться быть более ответственными в тех ситуациях, когда они приписывают философам использование тех или иных понятий. Историкам философии необходимо максимально точно передавать характерную для автора систему понятий. Некоторые термины философы прошлого не употребляли и не могли употреблять. Мы же, описывая их системы современным языком, в конечном счете лишь искажаем их философию. Солидаризировалась с этой позицией и *М.А. Солопова*, старший научный сотрудник сектора истории западной философии ИФ РАН, сказавшая, что аккуратность при работе с терминологией является одной из важнейших задач сегодняшнего дня. Когда употребление того или иного понятия не является однозначным, его надо оговаривать и уточнять.

Продолжением этого призыва стал доклад профессора *А.Н. Круглова* (кафедра истории зарубежной философии философского факультета РГГУ), постаравшегося разъяснить ключевые проблемы использования и перевода терминов. Проблема использования аутентичной терминологии состоит в том, то историко-философское сообщество лишится ориентиров, состоящих в общей системе понятий (вплоть до того, что мы не сможем применить термин «философия» к немецкой мысли XIX в. или к восточным системам). Второй проблемой является отсутствие точных аналогов ключевых понятий при переводе с одного языка на другой. Например, как этика Канта может носить универсальный характер, если нет возможности перевести на русский (и не только на русский) ряд ее ключевых понятий. Третья проблема связана с отсутствием единства терминологии в уже осуществленных переводах и проведенных исследованиях. Это опасно, если не отдавать себе в этом отчет. Наконец, остается проблема модернизации, или «осовременивания», когда мы упускаем вопрос о причинах, по которым мыслители прошлого

иначе ставили вопросы и акцентировали свое внимание не на тех моментах, которые сегодня важны для нас. В продолжение этого *М.Р. Демин*, ст. преподаватель кафедры гуманитарных наук Санкт-Петербургского филиала НИУ ВШЭ, внес свои замечания. Он подчеркнул, что история философии сложилась с «определенной оптикой» рассмотрения, определенным способом освещения. Мы обязаны задумываться об этом способе и брать его в рассмотрение. Например, «Немецкая классическая философия» является понятием, имеющим определенную историю и исследователь должен принимать в рассмотрение эту историю. Надо задумываться о том, в какой системе координат мы находимся, и ставить перед собой вопрос о причинах нахождения в этой системе — каждый раз проводить критический анализ. Поэтому надо читать не только на языке оригинала, но и на собственном, и на языке-посреднике, а потому эффективной стратегией является постоянная необходимость перевода и комментирования этого перевода.

Свое видение этой проблематики изложил и *П.В. Резвых*, постаравшись рассмотреть тот контекст, в котором мы говорим о немецкой классической философии. Он призвал задуматься об исторических методах сегодняшнего дня и о стереотипах, которые прочно вошли в мышление. Одним из таких стереотипов является представление о «фигурах первой величины» и остальных философах, которые обычно рассматриваются лишь как исторический и интеллектуальный фон изучаемой эпохи. Второй стереотип связан с представлением о генеалогической преемственности круга проблем, характерного для немецкой классической философии, и с тем, что он понимается как сам собой разумеющийся. Такое понимание истории философии не выдерживает критики и должно быть изменено — гораздо лучше сфокусироваться на изучении сложных эффектов сетевых связей внутри исследуемого сообщества.

С позицией П.В. Резвых пересекалась позиция *М.Ф. Быковой*, профессора Университета Северной Каролины (США). Относительно немецкой классики есть стереотип, что мы имеем дело с некоторым единством, выражающимся в общей философской теории, едином стиле изложения, сквозной проблематике для всех представителей этого направления, однако при пристальном взгляде оказывается, что ни одно из перечисленного не имело места. С подачи Энгельса возникло «лестничное» толкование — стереотип, согласно которому каждая последующая теория наследовала предыдущую и превосходила ее. Однако в западной литературе, в отличие от отечественной, это толкование не распространено и немецкую философию называют не классической, а немецким идеализмом — такая трактовка представляется не только менее нагруженной, но и более точной. Таким образом, попытку посмотреть свежим взглядом на старые проблемы без сомнения можно назвать одним из важнейших вызовов современности для историко-философских исследований.

Не менее острой оказалась и дискуссия вокруг терминологии и ее перевода в текстах индийских и арабских мыслителей (упоминание исследователей этих областей рядом продиктовано лишь попыткой обозначить активную дискуссию историков философии, исследующих разные восточные традиции мысли), где имеют место схожие проблемы. *В.Г. Лысенко*

зачитала эмоциональный манифест, содержащий в себе ноты неудовлетворенности сегодняшним положением исследователей «восточной» мысли в отечественной историко-философской традиции. Она справедливо отметила, что работа востоковедов представляет интерес разве что для специалистов по данной проблематике и остается практически незамеченной исследователями западной мысли. Востоковеды же прекрасно знакомы с западной философской традицией. Она указала также на фундаментальную терминологическую проблему, которая постоянно всплывала на конференции: если сохранять аутентичную терминологию, то тексты становятся непонятными, а если «подгонять» ее под систему понятий, характерную для западной традиции, то это является реликтом европоцентризма. Выработка языка, который эффективно и точно описывал бы широкий спектр философских проблем, поданных в разных ключах, является в сегодняшней действительности важнейшей задачей. Ее решение требует усилий со стороны исследователей разных традиций.

В.Г. Лысенко также подчеркнула, что на Западе уже давно ведется активное исследование наследия индийской, китайской и арабской мысли, сравнительный анализ идей европейских и восточных мыслителей. В отечественной литературе таких исследований не хватает, а если проводится сравнительный анализ, то занимаются им в основном историки восточных философий. По ее мнению, существует фундаментальное различие между исследованием «белых пятен» в рамках немецкой, французской, британской философий и аналогичных исследований в рамках индийской, китайской и арабской традиций мысли. На сегодняшний день исследователи философских систем Востока должны постоянно доказывать коллегам, что они заняты аналогичными историко-философскими исследованиями. Оппозиция Запад – Восток, постаралась продемонстрировать В.Г. Лысенко, устарела и термин «восточная философия» лишен смысла. Термином «восточная философия», подчеркнула она, описывается ряд не связанных друг с другом и разнесенных во времени и пространстве культурных явлений. **А.В. Смирнов** (зам. директора ИФ РАН, зав. сектором философии исламского мира) счел необходимым углубиться в эту тему, указав на ряд принципиальных моментов, первый из которых заключался в том, что понятие «Восток» является пустым, в то время как понятие «востоковед» — вполне осмысленно. Для исследователей арабской, индийской, китайской или иных восточных традиций характерной особенностью является необходимость исследования культуры страны, погружение в саму «логику» культуры. Это погружение предполагает нечто большее, чем перевод понятий с одного языка на другой — оно предполагает постижение смыслообразования понятий и тех связей, в которые они вступают.

Дискуссия о соотношении восточных и западных традиций возникла в самом начале конференции с легкой руки **А.Л. Никифорова** (гл. научный сотрудник сектора социальной эпистемологии ИФ РАН), и уже не утихла до самого конца. Тезис А.Л. Никифорова заключался в следующем: существуют разрозненные способы осмысления мира, базирующиеся на национальных или культурных основаниях, и более развитые культуры оказывают давление на менее развитые. Это касается и философской реф-

лекции. На это **А.А. Веретенников** (научный сотрудник сектора современной западной философии ИФ РАН) выдвинул контраргументы, первый из которых заключается в проблеме бесконечной делимости. Его суть состоит в том, что не существует критерия, позволяющего удержаться от перехода от национальной философии к философии отдельного региона этой страны и т.д. Второй аргумент состоит в том, что отсутствие единого критерия для оценки статуса философской мысли и является единым критерием. По мнению же **Р.А. Громова**, нет необходимости деления до бесконечности, поскольку мы можем руководствоваться институциональным критерием, и атомарными представляются философские школы.

В целом видение мировой философии участниками конференции сильно различалось. Профессор **В.В. Соколов** (философский факультет МГУ им. М.В. Ломоносова) отметил, что любое систематическое представление о мире, независимо от региона, всегда содержит общие вопросы для человеческого бытия. **М.Т. Степаняни** (гл. научный сотрудник сектора восточных философий ИФ РАН) также заметила, что мировая философская мысль не должна пониматься как конгломерат различных национальных систем — системы это лишь части единого целого. В свою очередь **В.Г. Лысенко** подчеркнула, что в условиях глобализации взаимодействие между различными традициями является не только желательным, но и неизбежным.

Отдельным вопросом стало обсуждение проблемных моментов и особенностей подготовки специалистов в области философии в отечественной системе образования. Практически все участники этого обсуждения высказали озабоченность недостатком квалифицированных кадров. М.Н. Громов указал на то, что большое количество людей приходит в философию из других специальностей и не имеет систематического представления о философии разных стран и эпох, что не позволяет им выполнять работу, которую имеет возможность проделать человек с философским образованием. С другой стороны, Громов выразил озабоченность недостаточной филологической подготовкой на философских факультетах отечественных университетов, так как анализ текстов является принципиально важным для историко-философских исследований. Обозначенные особенности делают историю философии весьма неоднородной — по сути, в работе разных авторов ремесло, наука и собственное видение каждый раз сплетаются в особой пропорции. Схожие опасения, но несколько под иным углом зрения выразил **А.Г. Мясников**, доцент кафедры философии Пензенского государственного педагогического ун-та, посетовавший на нехватку на философских факультетах региональных университетов кадров с философским образованием. Кроме того, он счел немаловажной проблему экспансии психологии и иных дисциплин в область философии. В финальной дискуссии **А.А. Костикова**, доцент кафедры истории зарубежной философии философского факультета МГУ, постаралась подвести итог сказанному, заметив, что задача истории философии заключается в том, чтобы осуществить просветительский проект, а вызов XXI в. состоит в разрешении противоречия, вытекающего из признания существования национальных философий и привычки говорить о них как о несводимых друг к другу.

Как следует из всего сказанного выше, результаты обсуждений не сводятся к банальности, что присутствовавшие скорее пытались ставить вопросы, чем давать ответы — скорее, они приехали на конференцию с четко осознаваемыми вопросами, собственным видением проблем в отечественной историко-философской специальности в условиях сегодняшнего дня и ее ближайших перспектив. Вместе с тем участники конференции смогли убедиться, что и их коллеги видят эти проблемы, хотя и порой иначе рассматривают пути выхода из них. Результатом можно считать понимание круга основных вопросов, которые стоят перед отечественной историей философии в условиях современности. И этот круг проблем можно понимать в самом широком ключе — безотносительно к институциональному или региональному делениям.